Глава 13. Засуха (1)

— Я уже проснулся, — быстро ответил Чэнь Жун, прежде чем это успел сделать Старый Шен.

— Отлично! — искренне обрадовался человек снаружи.

Слуга подстегнул лошадей, и крепкая дорожная повозка, набрав скорость, вскоре оказалась в голове колонны. Чэнь Жун тем временем быстро причесался и привел в порядок ханьфу, задействовав эфирное очищение, затем аккуратно приоткрыл занавесь на повозке.

Повозки господ Дома Ван растянулись вдоль дороги. Когда шенцзюй(повозка) Чэнь Жуна приблизилась к ним, люди непроизвольно уставились на юношу, бодрому в противовес многим, не выспавшимся из-за ночных событий и срочных сборов.

Чэнь Жун смотрел на них своими большими, приподнятыми к вискам, небесными глазами и большинство людей, встретившись с ним взглядом, отворачивались. Кто-то завистливо вздыхал. Все же быть таким красавчиком мужчине непозволительно, если только он не Ван Цилан. Однако эти двое совершенно были несравнимы. Язвительной девушки, которая насмехалась над ним неделю назад, нигде не было видно.

Наконец, повозка Чэнь Жуна остановилась рядом с коляской Ван Чжоу.

Прежде, чем он успел подойти, мужчина, сидя в своей коляске, рассмеялся.

— Сяо Жун, это ты? Подойди поближе и поговори со своим дядей. — Мужчина откровенно любовался подростком. Как красивой вазой.

Сейчас он казался очень добрым. Но это не значило, что он таким был на самом деле. Умение надевать маски и держать лицо среди образованных было обязательным искусством. Вскоре оно приобретет еще более выраженную форму, распространившуюся отсюда по всему миру. Одаренные станут в обязательном порядке носить настоящие маски в обществе. Как признак статуса, одновременно как предупреждение, что не стоит задевать сверхчеловека, сами же они оправдывали ношение масок тем, что не хотят смущать окружающих своей красотой... ну тут стоило отдать должное, некрасивых одаренных не было. Да, они порой несли на себе демонические изменения и были ужасны.. Точнее - ужасно прекрасны...

—Да, — слегка поклонившись, ответил юноша.

Ван Чжоу отвел занавеску в сторону, и долгим пронзительным взглядом уставился на подошедшего учтивого и такого привлекательного молодого человека.

— Сяо Жун, я так сожалею, что не придал значения твоему предупреждению в тот день.

Его лицо скривилось от воспоминаний.

Впрочем, он искренне сожалел о том, что не послушался этого юного мальчишку. События прошлой ночи навсегда запятнают доброе имя его клана! Когда слухи о том, что они убили беженцев, а после пошли им на уступки, оставив пищу в обмен на украденные вещи, быстро распространятся среди аристократов, их поступок осудит все общество, как в лице аристократов, так и простолюдинов. По разным причинам, разные моменты, но осудят все. Его политическое будущее, не исключено, что будет разрушено, - ведь если он, Ван Чжоу, не может справиться с небольшой группой беженцев, то как он собирается управлять народом от имени государства?

Глядя на Чэнь Жуна, он торжественно сказал:

— Я пригласил Вас, потому что я хочу лично извиниться. Сяо Жун, я горжусь тем, что мудр. Увы, даже этой мудрости мне не хватило, чтобы предвидеть подобное развитие событий, в отличие от Вас, совсем юного мальчика.

.

Было видно, что мужчина искренен в своих словах.

Тем не менее, несмотря на все его извинения, Чэнь Жун знал, что он делает это не просто так. Ван Чжоу не желал прослыть тщеславным и заносчивым глупцом, не умеющим признавать свои ошибки, поэтому, хочет ли он того или нет, у него не было выбора, кроме как извиниться перед ним.

В следующий момент, когда Ван Чжоу уже собирался ему поклониться, Чэнь Жун, предвидев его жест, сделал это чуть быстрее. Склонив голову и сложив пред ней руки, он почтительно сказал:

— Господин, почему Вы так говорите? Вы возглавляете целый клан в путешествии на юг. Даже мудрец может допустить ошибку в таком серьезном деле!

И хотя его слова утешения были лишь данью вежливости, Ван Чжоу было приятно их услышать. Он даже немного просветлел лицом. Дважды глубоко вздохнув, он, наконец, сказал:

— Сяо Жун, что бы ни потревожило Вас на нашем пути, впредь Вы сразу же можете подойти ко мне. Сообщайте мне обо всем, что бы ни случилось.

— Как Вам угодно, господин.

Мужчина снова вздохнул.

Чэнь Жун бросил последний взгляд на все еще угрюмого Ван Чжоу, поклонился и сказал:

— Я сделаю так, как Вы говорите.

— Всего доброго.

После вчерашнего инцидента, Дом Ван, наконец, понял смысл слов «умеренность» и «простота». В этот день на обед каждому члену семьи были поданы всего от четырех до пяти блюд. Причем остановка для их вкушения сделана не была. Что ощутимо увеличило скорость движения каравана. Теперь остановки делались лишь раз в сутки, вечером перед закатом.

-oOo-

Так прошло двадцать дней с начала их путешествия. За это время караван прошел около пятисот миль от города Пинг. Они достигли середины пути.

Чэнь Жун увлеченно практиковал алхимию, постепенно продвигаясь в этом искусстве. Все же оперировать потоками эфира было совсем не просто. Да и к котлу инструкций не было. Многое приходилось постигать на практике. Нет, кое-что можно было вычитать в книгах, но там обычно описания были составлены столь образно и витиевато... что лучше бы их и вовсе не было.

— Пятый брат, взгляни, поля с обеих сторон совсем сухие, — произнес тихий голос. За пределами его повозки.

Ван Улан не успел ничего не ответить. Рядом раздался резкий звук отодвигаемой занавески; это из окна своей повозки выглянула голова Чэнь Жуна.

Юные господа Дома Ван, проезжавшие мимо повозки верхом, дружно повернулись, чтобы на него посмотреть. Хотя они и провели за все время путешествия всего несколько дней вместе, юноши заметили, что Чэнь Жун, несмотря на свой юный возраст, был всегда неизменно очень спокоен перед лицом любой ситуации. Это был первый раз, когда они увидели его настолько взволнованным.

Чэнь Жун, игнорируя их любопытные взгляды, хмуро осмотрел поля по обеим сторонам дороги. После долгой паузы, видя явное непонимание со стороны молодых людей, он приказал:

— Старый Шен, правь к повозке господина Вана.

— Слушаюсь.

Повозка, набирая скорость, двинулась дальше.

Вскоре они подъехали к повозке Ван Чжоу.

Войдя внутрь, Чэнь Жун поклонился мужчине.

— Господин Ван, посмотрите на эти сухие поля. Возможно, в этих краях идет засуха.

Он едва успел договорить, как молодые люди, подъехавшие следом, весело засмеялись.

— Мой отец был любезен с тобой в последнюю вашу встречу. Не думай теперь, что ты на самом деле можешь обращаться к нему по любому поводу, — произнес кто-то тонким тихим голосом.

Чэнь Жун обернулся. Этот голос принадлежал седьмой дочери дома Ван – Хань Юн, той, которая посмеялась над ним в первый день путешествия.

С момента последней встречи с Ван Чжоу, Чэнь Жун всегда ограничивался лишь почтительным приветствием. Девушку такое отношение непереносимо злило. Она всегда пользовалась повышенным вниманием окружающих. От кавалеров просто отбоя не было. А тут какой-то малолетка всем своим видом выказывает небрежение, попросту ее не замечая. Да еще и вокруг сплошные вздохи, какой он красавчик. Мало того, что подружки и служанки вздыхают, млея от его вида, и делятся, какой из них что удалось подсмотреть... видано ли, чтобы девушки подсматривали за купающимися и упражняющимися мужчинами! И не только служанки, им-то еще простительно! Хотя... там еще мужчины как бы пока и не было...ведь сопляк сопляком! Так еще и некоторые молодые люди откровенно пускают слюни на этого недомерка. К примеру, ее братец. Она зло хлопнула занавеской, отгораживаясь от внешнего мира, но не значит, что, не прислушиваясь к нему.

Это первый раз, когда он пришел к господину Дома Ван по делу.

Ван Чжоу нахмурился. Погладил бороду. Поворачивая голову из стороны в сторону, он оглядел поля по обеим сторонам дороги. В них не было воды, но он смутно помнил, что все поля, готовые к осенней уборке урожая, которые они видели по пути, также были сухими.

Размышляя об этом, он невзначай кивнул Чэнь Жуну.

— Спасибо за напоминание, Сяо Жун.

На лице мужчины читалось легкое нетерпение.

Видя его пренебрежение, Чэнь Жун слегка улыбнулся и снова поклонился Ван Чжоу, затем покинул его повозку.

Когда его повозка-шенцзюй тронулась, Чэнь Жун вновь услышал нарочито тоненький голосок

Хань’Юн, он невольно вспомнил, что в это время особенно утонченным считался «голос птички» у милых дам. Девица эдак пискляво «прочирикала», не показываясь:

— Сяо Жун из Дома Чэнь, ты снова пытаешься лезть со своими глупыми идеями, куда тебя не просят!

Чэнь Жун улыбнулся и покачал головой. Даже не оглядываясь, он мог сказать, что Хань Юн все еще смотрит ему вслед.

— Можешь мне не верить…— пожал он плечами с обаятельной улыбкой, от которой все еще ехавший рядом Ван Улан прикусил губу.

Чень Жун слегка повысил голос, подмигнул, и серьезно сказал уже ему:

— Если ты мне не веришь, то почему бы тебе не спросить жителей ближайшей деревни? Или спросить беженцев, которые встретятся нам по пути? Тогда мы узнаем, истинны ли мои слова или нет.

Ван Хань Юн фыркнула где-то позади. Презрительно глядя на удаляющуюся повозку, девушка возмущенно закатила глаза и пробормотала с издевкой:

— Ни я, ни брат не станем разговаривать с какими-то там крестьянами.

— Эй, ты же не станешь их спрашивать, не так ли? — снова закричала она вслед задумчивому Улану, затем сделала паузу и противненько захихикала.

— Сяо Жун, послушай меня, ты всего лишь мальчишка. Зачем ты лезешь, куда тебя не просят? Или ты хочешь показать всем свою мудрость, чтобы стать чиновником при дворе? - и жестко завершила, сощурив глаза. — Не надейся, тебя ждет участь младшего мужа! И это в лучшем случае!

Эта мысль вдруг так развеселила девушку, что она, закончив говорить, весело рассмеялась.

Чэнь Жун не обратил на ее слова никакого внимания. А Жунь в сознании прошипела, что, вот он-то еще и выбирать будет из самых завидных вариантов, в отличие от некоторых бледных поганок. Женя прикинул, что эти две девицы наверняка уже сцепились бы в его времени. Да так, что только клочья бы полетели. Представив такое, он звонко рассмеялся, прикрываясь рукавом по требованиям этикета.

Его повозка вернулась в середину каравана. После этого юноша собрал всех своих слуг и серьезным голосом объявил:

— С этого момента, если вы увидите воду, то обязаны остановиться. Мы не уйдем от источника, пока все бочки не будут заполнены водой. Кроме того, я запрещаю вам мыться. Если у вас нет сильной жажды, не трогайте воду в бочках!

Он выдал своим слугам несколько заряженных артефактов очищения, найденных в свое время разряженными у отца, рекомендовав разместить их в повозках, чтобы все могли очиститься за одну активацию. После его слов и действий, толпа с недоумением начала переглядываться, смотря то друг на друга, то на юношу. Наконец, они вразнобой ответили:

— Да, молодой господин, — а что тут можно было еще добавить? Подобные артефакты были достаточно дорогими. Но их господин не пожалел. Хотя, с другой стороны… А почему не давал раньше? Женщинам было достаточно сложно поддерживать надлежащий уровень опрятности среди домашних. Но опять же, это не проблема господина. А артефакт разрядится. Где его потом заряжать? Старый господин для этого специально ездил в горные храмы.

Чэнь Жун вернулся в свою повозку. Некоторое время он смотрел на хмурое небо впереди, затем выглянул наружу и добавил:

— Няня Пинь, скажите людям, чтобы они намочили все имеющиеся у нас занавеси и вернули их свернутыми обратно в повозки.

Этот приказ еще больше удивил слуг. Они колебались до тех пор, пока не услышали легкое покашливание Чэнь Жуна. Няня Пинь посмотрела на задернутое занавеской окно, затем перевела взгляд на Старого Шена и прошептала:

— Что происходит с нашим господином? Почему он такой обеспокоенный?

Старик покачал головой. Он посмотрел на людей, стоящих рядом, и тихо сказал:

— Сяо Жун действительно ведет себя очень странно. Просто делайте то, что он говорит, и никому об этом не рассказывайте. — Шен всегда был сообразительнее многих других, ближе к господину и многое если не знал, то подозревал. Все же он постоянно сидел на облучке его повозки и видел, что господин не так прост…

— Да, да. Конечно, — согласились остальные.

http://erolate.com/book/1285/36063